

Предчувствия не обманули Соловьева. Демонизация евреев в частности и ксенофобия в целом стали бичом Европы в XIX в., сделав соловьевскую концепцию Богочеловечества сегодня еще более утопичной, чем сто лет назад, когда она впервые была сформулирована. Достоевский все еще мог представить себе примирение христиан и евреев как некое чудо, в возможность которого все христиане обязаны верить. В XX в., с потерей этой веры, осталась только ненависть, приведшая к кровопролитию, как и предсказывал Достоевский. Соловьев убеждал последующее поколение преодолеть всеисключающую ксенофобию писателя, потому что она служила помехой установлению истинной теократии – последней надежды человека перед пропастью, в которую стремительно соскальзывала Европа XIX в.

ТРИ ЛЮБВИ, ТРИ СТРАСТИ ИВАНА БУНИНА

М.Н. Громов

Всю жизнь, с юных лет до умудренной опытом старости, Бунина преследуют, не оставляют, заставляют трепетать, приносят мучительную радость и невыносимую боль три больших любви, три великих страсти, три всепоглощающих стремления.

Первая – это *страсть к переживанию бытия*, к цветущей, переливающейся многоцветием красок и одурманивающей сладостью ароматов единственной и неповторимой реальности, в которой проступает “божественное величие мира”.

Его пленяет красота осеннего леса, стоящего “как терем расписной”. Его манит сказочный Восток, откуда начала свою мерную поступь “величавая колесница человечества”. Он с трепетом ступает по Святой Земле и с дрожью прикасается к ее святыням.

Всем пылким существом поэт наслаждается тварным миром, но замечает при этом:

Нет, не пейзаж влечет меня,
Не краски жадный взор подметит,
А то, что в этих красках светит:
Любовь и радость бытия¹.

Апогеем чувственного переживания реальности для Бунина стала любовь к женщине – этому наисладчайшему соблазну тварного мира, этой воплощенной в обольстительные формы изменчивой неуловимости бытия, этой пряно-восточной майя, увлекающей в пучину радости и страданий. “Тут опять сразила меня, к великому моему несчастью, долгая любовь”. Подобную запись, относящуюся к 1889 г., он мог бы не один раз сделать в своих автобиографических заметках².

Любовь к женщине для Бунина раскрывает целую вселенную переживаний, страданий, упоений и того особого, невыразимого ни в каких словах, красках и звуках слияния с бытием, соития с жизнью, растворения в ней, которое приносят лучшие мгновения любви, когда все кажется сном и вместе с тем наиподлиннейшей реальностью.

Философ Иван Ильин в блестящем очерке “О тьме и просветлении” тонко уловил эту бытийственную сторону жизни и творчества Бунина, “художника чувственного естества” с “ненасытным восприятием жизни”. Он, несомненно, прав; действительно, “в изображении чувственной страсти Бунин стоит в первых рядах мировой литературы”³.

Любой читатель произведений в стихах и прозе нашего чувственного гения может сие подтвердить. Немудрено догадаться, что построены они на собственном эмоциональном опыте, на мастерски воплощенных писательским пером тех уловленных зорким взглядом художника нюансах и деталях, которые невозможно выдумать, не зная всех тонкостей любовной игры, того “рокового поединка” между мужчиной и женщиной, который они ведут в желании обладать друг другом.

Иван Алексеевич с полным основанием называет себя “эротоманом”. Но, разумеется, не в том пошловатом смысле, который подразумевает современное массовое сознание. Бунин – поклонник Эроса в возвышенном, вертеровском, духе. Его увлечение женской красотой созвучно страстному упоению Гёте, который на закате долгой жизни, почти на смертном одре, не мог не влюбиться в юное создание, олицетворявшее всю прелесть уже тускневшего в его глазах тварного мира. Если же взглянуть поглубже, то бунинская тяга к красоте, восхищение ею перекликаются с учением об Эросе Платона, чьи сочинения и мысли его весьма привлекали⁴.

Однако через женщину Бунину открывалась не только красота и гармония мироздания. Страшная тайна глубин бытия, темные инстинкты, жестокость и насилие, лицемерие и коварство, предательство и смерть – все это тоже связано с любовью, с тем, что ее сопровождает, что от нее неотделимо. Онтологическая связь “любовь–жизнь–смерть” прочувствована им во всей полноте.

Через облагоустроенную и выхоленную цивилизацией яростную первобытность половых отношений Бунин ощущает ужасающую пропасть мрачной бездны, готовой поглотить его. Что тут мелкие бытовые сцены, интеллигентские терзания, бесхитростные страдания простолудинов, даже запальчивые убийства неверных жен и самоубийства благородных офицеров, – тут пасть самого Сатанаила разверзается перед человеком, когда не только тело, но и душа оказываются на краю гибели.

Бунин прекрасно показывает эту сторону бытия в повести “Суходол”, где “провиненный монах”, изгнанный за непотребное поведение из Киевской лавры, бесстыжий ерник Юшка, как бес блудливый, грубо овладевает дворовой девкой Натальей в жуткую предгрозовую ночь под Илью-пророка (языческую Перунову ночь); и она не в силах противиться ему, как не смела противиться барыня дьяволу, по ночам наслаж-

давшемуся ею, лишь только вопила диким голосом: “Змей эдемский душит меня!”

Светлая сторона любви реже занимала внимание Бунина, ибо он к чисто духовному аспекту бытия стремился мало. Он слишком увяз в чувственном темном мире, чтобы легко порвать с ним и уйти в чистую лазурную страну небесного света. Но все же на периферии описания треволнений живущего страстями рода людского светлая безгрешная сторона бытия проступает у него в образах старцев, подвижников, в очертаниях святых обителей, где веками спасались на Руси от гибельных страстей буйные грешники и тихие грешницы.

Выбор в пользу светлой стороны жизни делает героиня “Чистого понедельника”. Прекрасная молодая женщина, поддавшись искушению, испив лишь малую чашу земного наслаждения, уходит в монастырь, постигается в иноческий образ. Какой-то внутренний инстинкт самосохранения, тяга к древнерусской старине, к старообрядческой крепости духа заставили ее обратиться к Тому, Кто есть “Господь, Владыка живота всех”. И там, где душа встречается с Богом, уходят в прошлое и внешний лоск, и суетные желания, и мишура светской жизни, и томления плоти.

Что поразительно, в роли рокового искусителя героини, личности неординарной, выступает в общем-то заурядный, хотя и образованный, молодой повеса с горячей кровью и хорошими манерами, страстно в нее влюбленный. Но является он подобно дьявольскому персонажу из древнерусского сказания о Петре и Февронии в сокрытом, им самим не осознаваемом существе: “Змей в естестве человеческом, зело прекрасном”⁵.

Это прозрение, эта догадка, как молния, освещает всю библейскую глубину их отношений, как исконный соблазн Адама и Евы, как общечеловеческую драму, нескончаемо длящуюся от сотворения человека до наших дней. Ведь и сейчас, и во времена оны, и всегда сквозь внешнюю бытовую повседневность, обыденность происходящего проступает извечный трагизм человеческого существования в оппозиции “он – она”.

Бунин в своем творчестве выступает как художник-мыслитель экзистенциального типа, он помещает своих героев в пограничные ситуации, видит трагизм бытия и последствия человеческого выбора, когда личность на краю бездны остро ощущает шаткость своего существования, балансируя между жизнью и пастью смерти, от которой ее отделяет всего лишь один короткий шаг.

В этом он подобен Достоевскому, который описывал весь потаенный ад человеческой души и борьбу в ней божественного и дьявольского начал. Только в отличие от героев Федора Михайловича персонажи Ивана Алексеевича чаще всего наделены здоровьем, ясностью ума и вкусом к жизни и, разумеется, существенно не похожи на страдающих болезненной патологией, неврастенических, много, длинно и тягостно рассуждающих и непредсказуемо поступающих личностей, которые населяют страницы произведений нашего главного предтечи экзистенциализма.

Вторая любовь Бунина – к *творчеству*, к созданию того, чего не было до тебя в мире, к ощущению себя демиургом, создателем. Но при этом он прекрасно помнит забытую ныне многими сакральную первооснову творчества, понимает нравственную ответственность художника за свой труд, указывает на недопустимость забвения Того, Кто есть подлинный Творец и Создатель всего сущего.

О твердой позиции писателя, равно отрицавшего и самонадеянные поползновения многих авторов в дореволюционный период, как он выражался, “литературной вакханалии”, и атеистический псевдопафос казенного соцарта с его прометеевским культом нового человека, свидетельствуют заключительные строки рассказа “Богиня разума”. Бунин обращается к поучительной судьбе несчастной Терезы Обри, красивой талантливой актрисы, которая в годы Великой французской революции, когда громили церковь и веру, выступила в кощунственной роли богини разума в соборе Парижской Богородицы, а затем в театре, упав с высоты вместе с громоздкой конструкцией деревянной “Славы”, умерла, была погребена и предана всеобщему забвению. Вот строки, посвященные этому событию: “Одно хорошо: от жизни человечества, от веков, поколений остается на земле только высокое, доброе и прекрасное, только это... Остался, есть и во веки пребудет Тот, Кто со креста любви и страдания простирает своим убийцам объятия; осталась Она, Единая Богиня богинь, ее же благословенному царствию не будет конца”⁶.

Еще в юности Иван Бунин заболел страстью творчества: как самый счастливый день, вспоминал он охватившую его радость, когда нес в руках свое стихотворение, отпечатанное, запечатленное на бумаге. Этот аполлонический восторг при лицезрении собственного творения известен только людям, наделенным даром творчества.

Но немногие воспринимают свое творчество как крест, как Голгофу, как жертву. Бунин – один из этих немногих. Он чувствовал свою неприкаянность в зыбком мире, свою житейскую неустроенность, превратности судьбы. Какие щемящие слова в его кратком стихе “У птицы есть гнездо, У зверя есть нора...”⁷ Став странником в земной жизни, он твердо знал, что от него останутся навеки одни “лишь письма”.

К миссии поэта Бунин, подобно Пушкину, относился, как к пророческому служению. “В начале было Слово” – все помнят первые строки Евангелия от Иоанна. Найти слово, закрепить в нем быстротекущую жизнь, запечатлеть и обессмертить вызванные воображением образы – вот высшее призвание творца вербальных сущностей и форм.

Но для всепоглощающего, подлинного, беззаветного служения талант должен быть принесен к жертву. Творец обязан, как Джордано Бруно, взять посох странника, оставить смех и радость, и землю-мать, и любовные радости:

Высоко нес я стяг своей любви,
Но есть другие радости, другие:
Оледенив желанья свои,
Я только твой, познание, – София!⁸

Так поэт жертвует первой страстью ради другой. Такова цена подлинного творчества. В иерархии ценностей любовь вторая выше первой, хотя она ее и не вытесняет, а на нее накладывается, переплетается с нею. Но и вторая любовь не торжествует свое первенство, ибо самой страстной, самой мучительной, ни на минуту его не оставившей, всегда оставалась третья любовь – к Родине, к Отечеству, к России.

Верно пишет С. Крыжицкий в статье “Замолчанный Бунин”: “Нет, не только женские тела, вспышки страсти, темные аллеи, оскудевшие дворянские гнезда, трели соловьев, белые березки и запах антоновских яблок были предметами писаний Бунина... За тридцать три года эмиграции Бунин никогда, ни в самых тяжелых, ни в самых благоприятных условиях не переставал думать, писать и говорить о революции и судьбах родины, всегда искал исхода, что привело к семнадцатому году, к концу исторической России, к воцарению, как он не раз повторял, полифемского царства Ленина”⁹.

Человек сдержанный в выражении чувств, Бунин с болью писал о своих страданиях, о “страшном чувстве” Родины, о своем плаче по России, подобном плачу библейских пророков об утраченном Иерусалиме. Для него Родина в ее огромных пространствах и столицах, городах и сельских погостах, храмах и крестьянских избах, со всей своей тысячелетней историей была чудотворным образом, предметом поклонения. «Если бы я эту “икону”, эту Русь не любил, не видал, из-за чего же бы так сходил с ума все эти годы, из-за чего страдал так непрерывно, так люто”¹⁰.

Любя Родину, Бунин не идеализировал ее, достаточно вспомнить его “Деревню”. Он видел темные, страшные, разрушительные силы, разинщину, пугачевщину, желание “погулять”, разнести все вдребезги. И видел, как новые хозяева страны пробудили дикие инстинкты народа и направили их на разрушение старой России, несказанно ему дорогой¹¹. Бунин не может объективно, отстраненно судить о происходящем на Родине. Он предстает неистовым защитником старой России, ее культуры, ее достоинства, ее чести – всего, что столь яростно предавалось поруганию новыми властями.

Убийственны его оценки и характеристики. Одни названия чего стоят: “Окаянные дни”, “Великий дурман”. Он органически не приемлет крикливой и лживой идеологии нового режима, его коробит всеобщее хамство и деградация, он с ужасом видит, как перерождается народ. Уже в эмиграции Бунин пишет заметки о советской действительности. Его краткие новеллы в сборнике “Под Серпом и Молотом” вызывают в памяти “Русь уходящую” живописца Павла Корина.

Его печальному взору предстают стремительно тающие островки старой Руси, пустеющие храмы, исчезающие типы былых сословий. Даже вблизи раки преподобного Сергия, духовного покровителя и заступника страны, исчезла былая атмосфера всеобщего благоговения. И Бунин вспоминает слова В. Ключевского, предупреждавшего, что Россия погибнет, если затухнет лампада у мощей преподобного и осквернится его лавра. К несчастью, так и произошло.

Можно долго продолжать разговор о духовной борьбе Бунина с большевистским режимом, однако позволю себе отметить лишь одно обстоятельство, имеющее глубокое, нетривиальное, смыслоуказующее значение. Бунин родился в 1870 г. – в год рождения Ленина, умер в 1953 г. – в год смерти Сталина. Он стал символом противостояния тирании двух красных вождей, заливших страну кровью народа. Недаром писатель, пародируя терминологию официальной советской пропаганды с горечью заметил: «Я был современником... тех “величайших гениев человечества”, что разрушали целые царства, истребляли миллионы человеческих жизней». Ушли они, ушел и он.

Но не хотелось бы ставить точку на этой грустной ноте, поэтому закончим статью словами церковного предания об Иоанне Многострадальном, киево-печерском подвижнике, оказавшемся однажды в крошечной тьме своей подземной кельи у разбитого зверем светильника. И увидел святой старец, что “озаряет пещеру некий тонкий, неведомо откуда струящийся, свет”, который светил ему все оставшиеся дни жизни. “А при кончине, воспринимая его душу, нежно сказал ему Ангел Господень: Это свет твоей скорби светил тебе, Иоанн!”¹².

Помянем же и мы в наши окаянные дни Иоанна Многострадально-го русской литературы и русской мысли – Ивана Алексеевича Бунина.

¹ Бунин И.А. Несрочная весна. Стихотворения. Избранная проза. М., 1994. С. 45. Написано тридцатилетним поэтом в 1901 г.

² Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1967. Т. 9. С. 260.

³ Ильин И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин, Ремизов, Шмелев. М., 1991. С. 52. Ильин видит в Буине не только “мастера внешнего зрения”, способного с “физиологической точностью” описывать человеческие страсти, а в его творчестве не только “художественный возврат инстинкта к природе”, но и древнюю, первобытную, архетипическую сущность инстинкта жизни: “Бунин разверзает перед нами мировой мрак, черное, провальное естество человеческой души, не ведающее добра и зла и творящее зло в меру своей похоти. Он разверзает его с великою силою, художественной наглядностью и холодной точностью” (там же. С. 77). Сам же Бунин в автобиографической “Книге моей жизни” говорит о близости к предкам, о глухой “прапамяти”, об иррациональном чувстве переживания “всебытия”: “Рождение никак не есть мое начало. Мое начало и в той непостижимой для меня тьме, в которой я был от зачатия до рождения, и в моем отце, в матери, в дедах, прадедах, пращухах, ибо ведь они тоже я, только в несколько иной форме, где, однако, многое повторилось почти до тождественности” (Цит. по: Мальцев Ю. Иван Бунин (1870–1953). М., 1994. С. 8).

⁴ В холодной, страшной, обезлюдевшей Москве зимой 1918 г. на фоне разрухи, хаоса, дикого зверства и разрушения культуры Бунин подобно многим гибнущим соотечественникам обращается к нетленным духовным ценностям: «И среди всего этого, как в сумасшедшем доме, лежу и перечитываю “Пир” Платона» (Бунин И.А. Окаянные дни. М., 1991. С. 103). Влияние платоновской традиции, прослеживаемое в истории отечественной культуры и философии, ощущается и в творчестве Бунина. Кроме учения об Эросе, оно проступает в интерпретации знания как припоминания души (анемнезие), в номадическом странствии духа по земным тропам и его устремлении к небесному праотчеству, в поклонении Софии как Божественной Мудрости.

в культе Логоса и Слова – ему “лишь жизнь дана”, ибо “на лицевом погосте звучат лишь Письмена” (Бунин И.А. Несрочная весна. С. 22).

5 Бунин И.А. Несрочная весна. С. 407. “Повесть о Петре и Февронии”, иногда называемая “житием”, – одно из самых поэтических преданий русской старины, рассказывающее о любви князя и крестьянской девушки, отличавшейся прозорливостью и чистотой нрава. Оно созвучно западноевропейским сказаниям о Рагнаре и Ладброке, Тристане и Изольде, о битве Зигурда со змеем Фафнармом, воплощением дьявольского, похотливого, злого начала мира. В христианской традиции к ним примыкает “Чудо св. Георгия о змие”, вариации на темы которого столь многочисленны в отечественном и европейском искусстве и которые восходят к древним хтоническим мифам (см.: Повесть о Петре и Февронии Муромских // Изборник: Сб. произведений литературы Древней Руси. М., 1969. С. 454–463; Чудо Георгия о змие // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 520–527).

6 Бунин И.А. Под Серпом и Молотом: Сб. рассказов, воспоминаний, стихов. Лондон (Канада), 1986. С. 54. Жившему во Франции писателю захотелось проследить поучительную судьбу французской актрисы, вознесенной революцией, ею же растоптанной и преданной забвению. В дневниковых записях он пометил: “Париж, 6 февраля 1924 г. был на могиле Богини Разума”. Сумасшедшие революционные вожди заставили ее сыграть “самую дикую и постыдную роль”, кощунственную по своей сути. Неопаганистский замысел потерпел крах, “и было великое безобразие, а для Обри и великое мучение” (там же. С. 50–52). Он подмечает аналогии с большевистской демагогией в России, с попытками установить культ коммунистических вождей, с растаптыванием веры и исторической памяти народа.

7 Приведем полностью это краткое стихотворение, написанное на чужбине в 1922 г. (Бунин И.А. Несрочная война. С. 95):

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости родному дому!
У зверя есть нора, у птицы есть гнездо.
Как бьется сердце, горестно и громко,
Когда вхожу, крестьясь, в чужой, наемный дом
С своей уж ветхою котомкой!

8 Бунин И.А. Несрочная весна. С. 69. Софийность поэзии Бунина делает ее созвучной поэзии Владимира Соловьева, Вячеслава Иванова и многих других “певцов божественной Софии” (Иванов Вяч. Собрание сочинений. Брюссель, 1979. Т. III. С. 297). Софиология как учение о Софии Премудрости Божией оказала величайшее влияние на русскую культуру со времени Крещения Руси, став одним из плодотворных течений в богословии, философии, искусстве, поэзии (Громов М.Н. Образ Софии Премудрости Божией как символ Древней Руси // Художественно-эстетическая культура Древней Руси. XI–XVII века / Под ред. В.В. Бычкова. М., 1996. С. 46–56). В новое и новейшее время софийность получила дальнейшее развитие, но корнями своими уходит в византийско-православное средневековье.

9 Бунин И.А. Под Серпом и Молотом. С. 7–8. Как вспоминает В.Н. Муромцева, глубоко знавшая душу и сокровенные мысли Бунина: “Чувство родины, языка, истории у него было огромно” (Муромцева-Булнина В.Н. Жизнь Бунина: Беседы с памятью. СПб., 1989. С. 11). Не лишне напомнить, что Нобелевскую премию 1933 г. писатель получил “за строгий артистический талант, с которым он воссоздал в литературной прозе типично русский характер”

(И.А. Бунин и русская литература XX века. М., 1995. С. 71). В жизни Родины Бунина восхищает исконное, самобытное, наполненное памятью прошлого, например название стариннейшего московского храма в Кремле, безжалостно снесенного в советское время: “Церковь Спаса-на-бору. Как хорошо: Спас-на-бору! Вот это и подобное русское меня волнует, восхищает древностью, моим кровным родством с ним” (Бунин И.А. Собр. соч. т. 9. С. 346).

¹⁰ Бунин И.А. Окаянные дни. С. 13. Любовь писателя к Отчизне – иррациональная, чувственная, страстная – подобна любви к жизни, к женщине, к творчеству. Все три любви переплетаются вместе, но первая становится все тише, умиротвореннее, вторая – мудрее и отчетливее; лишь третья постоянно терзает, мучит, не дает покоя, преодолевая все остальные своей силой и неотступностью. Воистину он обладал “страшным чувством России” (Бунин И.А. Лишь слову жизнь дана. М., 1990. С. 103).

¹¹ Бунин И.А. Под Серпом и Молотом. С. 96. Писатель вспоминает смуты, самозванство, разинщину, но нынешняя “вакханалия превзошла все до нее бывшие – и весьма изумила и огорчила даже тех, кто много лет звал на Стенькин Утес...” (Бунин И.А. Окаянные дни. С. 125).

¹² Бунин И.А. Окаянные дни. С. 156. Преп. Иоанн Многострадальный подвизался в Ближних Антониевых пещерах. Его память празднуется дважды по церковному календарю: 18 июля ст. ст. – отдельно и 18 сентября – вместе с собором преподобных отцов Ближних пещер. Умер он в 1160 г., еще в домонгольский период, во времена расцвета Киевской Руси, любовь и интерес к которой Бунин пронес через всю свою жизнь.

Приложение

Иван Бунин

ДЖОРДАНО БРУНО

Ковчег под предводительством осла –
Вот мир людей. Живите во Вселенной.
Земля – вертеп обмана, лжи и зла.
Живите красотой неизменной.

Ты, мать-земля, душе моей близка –
И далека. Люблю я смех и радость,
Но в радости моей – всегда тоска,
В тоске – всегда таинственная сладость!

И вот он посох странника берет:
Простите, келий сумрачные своды!
Его душа, всем чуждая, живет
Теперь одним – дыханием свободы.

Вы все рабы. Царь вашей веры – Зверь:
Я свергну трон слепой и мрачной веры.
Вы в капище: я распахну вам дверь
На блеск и свет, в лазурь и бездну Сферы.

Ни бездне бездн, ни жизни грани нет.
Мы остановим солнце Птолемея –
И вихрь миров, несметный сонм планет,
Пред нами развернется, пламенея!

И он дерзнул на все – вплоть до небес.
Но разрушенье – жажда созиданья,
И, разрушая, жаждал он чудес –
Божественной гармонии Созданья.

Глаза сияют, дерзкая мечта
В мир откровений радостных уносит.
Лишь в истине и цель и красота.
Но тем сильнее сердце жизни просит.

Ты, девочка! ты, с ангельским лицом,
Поющая над старой звонкой лютней!
Я мог твоим быть другом и отцом...
Но я один. Нет в мире бесприютней!

Высоко нес я стяг своей любви.
Но есть другие радости, другие:
Оледенив желанья свои,
Я только твой, познание, – София!

И вот опять он странник. И опять
Глядит он вдаль. Глаза блестят, но строго
Его лицо. Враги, вам не понять,
Что Бог есть Свет. И он умрет за Бога.

Мир – бездна бездн. И каждый атом в нем
Проникнут Богом – жизнью, красотой.
Живя и умирая, мы живем
Единою, всемирною Душою.

Ты, с лютнею! Мечты твоих очей
Не эту ль Жизнь и Радость отражали?
Ты, солнце! вы, созвездия ночей!
Вы только этой Радостью дышали

И маленький тревожный человек
С блестящим взглядом, ярким и холодным,
Идет в огонь. *“Умерший в рабский век
Бессмертием венчается – в свободном!”*

Я умираю – ибо так хочу.
Развей, палач, развей мой прах презренный!
Привет Вселенной, Солнцу! Палачу! –
Он мысль мою развеет по Вселенной!»

Это стихотворение – одно из самых философичных у И.А. Бунина – написано в 1906 г. См.: *Бунин И.А. Несрочная весна: стихотворения // Избранная проза. М., 1994. С. 68–69.*